

Москва комсомолец — 1996 — 11 дек. — с 8

Театр "Современник" уезжает на гастроли за рубеж. Все уже в автобусе и готовы ехать в аэропорт, предвкушая самолетный отъезд и подсчитывая сэкономленные суточные в надежде поправить свой гардеробчик. И только один актер отказался ехать и, к ужасу администрации, отправился восвояси. Этим актером был Авангард Леонтьев.

— Редкое у вас имя. Интересно, а как вас зовут близкие, друзья?

— Гарик либо Гаврик. Когда у них хорошее настроение — Гавриша.

— А женщины? Согласитесь, что сочетание "Авангард любимый" звучит примерно так же, как "завод родной".

— Женщины... Они... Умеют найти свои слова. Им не важно имя.

— Но не женщины меня интересуют. Пока. А интересует артист Авангард Леонтьев, который только в минувшем сезоне сыграл две абсолютно взаимоисключающие роли — черта ("Карамазовы и Ад") и блаженного, почти что ангела ("Мы едем, едем, едем..."). И настолько достоверно, что хотелось бы понять, какой же он человек — Авангард Леонтьев?

— Ну... Не мне писать свой портрет.

— Логично. Попробуем методом исключения. Вы расчетливы?

— Нет. Совершенно не рачио.

— Вы ловкий, изворотливый? Умеете жить, как уж на сковороде?

— Нет-нет.

— Может быть, вы тот маленький человек, который способен противостоять злу?

— Я не могу так сказать. Но (пауза) у меня есть позиция. Я не бываю без позиции. Я люблю свою позицию отстаивать.

— Позиция??? Возможно ли это для вашего зависимого брата актера?

— Вообще-то все люди должны так себя вести. И тогда всем, может быть, будет неудобно, но не будет аморфности, равнодушия. Но послушайте, сейчас получается из разговора, что я какой-то герой, борющийся с негодяями. Но ведь это не так. То, что у меня есть позиция, говорит только о том, что я люблю, чтобы у меня была позиция, и я люблю ее отстаивать.

— Отвечаете очень неконкретно. Тогда я вам расскажу историю, как артист Леонтьев чуть не сорвал гастроль и отказался ехать в автобусе вместе со всеми (см. выше). Почему?

— Да я не отказался! Я просто уехал домой. Дело в том, что в театре нашем есть целая иерархическая лестница людей, отвечающих за то, чтобы работа проходила в человеческих условиях, в данном случае выезд на гастроль. Почему артистов надо везти в автобусе из-под картошки? Чтобы не ждать ответа на этот вопрос, я и уехал.

— И чем закончилась эта история?

— Тем, что за мной приехали на машине и отвезли в аэропорт.

— А если во время спектакля вам что-то не понравится, ну, скажем, в работе режиссера, администратора, вы можете уйти со спектакля?

— Нет! Со спектакля я не ушел. Ненавижу только, если кто-то за сценой пьяный.

— Так и хочется воскликнуть в стиле газеты "Правда": "И имя ему — Авангард"... Кстати, а это правда, что год назад вы хотели сменить свое редкое имя, полученное от родителей в честь старшего брата, погибшего на войне?

— Да, поменять имя Авангард на Аргумент.

— Аргумент? А может быть, Факт — это покруче будет?

— Это мы решили в театре разыграть главного редактора "Аргументов и фактов". Волчек должна была ему позвонить и умолять его отговорить меня брать имя Аргумент. Но потом решили, что он на эту шутку не купится.

Но у меня всерьез такая проблема стояла в 16 лет, перед получением паспорта. Мама советовала мне поменять имя, прекрасно понимая, сколько насмешек мне придется слышать в связи с этим. Действительно, были неприятные минуты, когда люди открыто смеялись или хихикали. Но я подумал, что такая поступок обидит отца, и не сделал этого, о чем не жалею.

— Когда я впервые вас увидела в кино или на сцене — не помню точно, — решила, что артиста с таким лицом в детстве, наверное, били, а учительница делала из него козла отпущения.

— В жизни меня били всего три раза. Три раза — это немного,

правда? А вообще я был пай-мальчиком и "лучшим пионером нашего лагеря". В школе-студии меня любило институтское начальство. И никаких слухов о моем неудобстве не было. Вероятно, это стало происходить в "Современнике". Это Ефремов научил меня вливаться, как научил всех тех, с кем работал до меня. Именно в "Современнике" я понял, что маленький театрик мог противостоять всемогущему горькому КПСС.

— С чем можно сравнить чувство, когда артисту не дается (в смысле — не получается) роль?

— Да ни с чем нельзя сравнить. Безответная любовь? Когда ты понимаешь, что она безответная, то постепенно свыкаешься с этим, и время лечит. А вот если не совпадает с ролью, которую надо 3—4 раза в месяц играть, то ты будешь испытывать жуткие мучения постоянно.

— А вообще-то, они вам знакомы?

— Да, последняя роль в спектакле "Мы едем, едем, едем..." из таких. Я и сегодня чувствую себя в долгу перед ней. Нам с вами не часто приходится за день встречать людей, которые, как Ванька-встанька, из любой ситуации выходят, поворачиваясь к людям добром. Мой герой Михал Григорич не защищен от зла. Я не знаю, легко ли жить таким лю-

статок. Скажите честно, вы хоть раз напились?

— (Пауза.) Я напиивался. Однажды я очень сильно напился от радости и от желания снять стресс. На гастролях в Волгограде меня ввели на роль Балайкина (спектакль "Балайкин и Ко". — М.Р.), вместо Табакова, и его ждала публика. Я страшно психовал и, когда все-таки сыграл, по реакции зрителей понял, что не дал им возможности разочароваться до такой степени, чтобы не понравился спектакль. После этого в гостинице я с нашими артистами сначала выпил чуть-чуть, а потом... Как рассказывали, я посылал их купить водки у таксистов. Зато наутро... я с большим трудом мог подняться и голова болела жутко. Помню только, что в состоянии глубокой алкогольной интоксикации спрашивал всех заходивших навестить меня: "Не провалился ли я вчера на сцене?"

У пьяного человека создается ощущение активного проживания жизни. Но это иллюзия! И поэтому я — на стороне тех, кто проповедует трезвый образ жизни. Я никогда не был потенциальным алкоголиком, так что мне легко быть трезвенником.

...Вообще я чрезвычайно вспыльчив. Иногда, как царю Федору, которого я когда-то играл, мне хочется применить жесткие меры к

тера розыгрышей.

— Да нет, я больше хохочу над проделками других.

— Однако история не забудет, как вы развлекались с бедной доверчивой секретаршей, которой звонили от имени Аркадия Райкина.

— Ну надо было проверить обнаружившиеся во мне склонности к имитации именно его голоса. Наша секретарша — замечательный человек, наивный и святой, — абсолютно верила, что ей звонит Костин папа, и делала ему знаки: "Мол, папа звонит". А я говорил ей из соседней комнаты:

— Раиса Викторовна, как мой Котенька себя ведет? Он не совершает каких-нибудь поступков недозволенных? Может, нескромно ведет себя? Так вы не стесняйтесь, пожалуйста, вы мне скажите, это останется между нами, и я просто постараюсь использовать свое влияние на него...

Ну примерно в этом духе я импровизировал, наслаждаясь тем, как чистосердечно Раиса Викторовна отвечала:

— Аркадий Исаакович, он ведет себя очень хорошо. Наоборот, он такой скромный, такой застенчивый. Вы лучше ему скажите, чтобы он посмелее был. Он у вас какой-то слишком воспитанный.

А однажды Костя совершил такую подлянку: он пригласил меня

ЛУЧШИЙ АВАНГАРД НАШЕГО ЛАГЕРЯ

Авангард Леонтьев — москвич, "современниковец" с 28-летним стажем, преподает в школе-студии МХАТ. По отзывам друзей — аккуратный, педантичный до болезненности.

Фото Михаила Гутермана.

дям. Но играть их очень трудно. Ведь Миша — он что делает? Он воюет с ветряными мельницами. А разве мы не воюем? Разве женщины в метро не разнимают пьяных, а все мужчины стоят и молчат? В том числе и я.

— Вы презираете себя в этот момент?

— Я чувствую себя нехорошо. Я чувствую, что я трус и нет во мне решимости, которая есть у самой обыкновенной женщины с сумками, набитыми продуктами. Вот моя мама была такой. Я с детства помню, за ней прибегали соседки, и она, маленькая, хрупкая, бежала разнимать разбушевавшихся в пьянке мужиков.

— Интересная вещь: вы — актер суперкласса. И все спектакли с вашим участием последние два сезона отмечались всевозможными премиями. Премии получали все, кто угодно: художник, режиссер, но только не актер Леонтьев, который обеспечил своей игрой успех спектаклям. Это любовь подтвердит. Вас это не обижает?

— Меня (пауза) это (пауза) не обижает. И (пауза) не огорчает. Меня огорчает, когда мне не дадут роль: хотели дать, но не дали. Получение роли — это награда, например, от Фокина. Что ж я буду на него обижаться, что он получил приз, а я нет? Один раз после моего спектакля подошел Ролан Быков и сказал, что мог бы лучше меня сыграть Чичикова. И выходит, что у меня есть награда в виде этой роли, а у Быкова — нет.

— Вы так скромны и нечестобливы? Как же без этих качеств в актерском деле?

— Я честобливы, но чутко честобливы. Я отношусь к этому, как гурман. Вот, скажем, я получил звание народного артиста, и в этом акте меня интересует не сам факт получения, а именно оценка моих коллег.

— Все-таки вы такой положительный человек, что очень хочется найти в вас хоть один недо-

бидчик. Нет, я бы не сказал, что я страшен в гневе. Наверное, в эти моменты я скорее смешон, жалок, но... это у меня с детства. В детстве, когда я начинал кипиться, мама подмигивала мне, согласно нашему уговору, и я брал себя в руки.

— Вот в спектакле "Мы едем, едем, едем..." вы произносите монолог: "О чем может думать одинокий стареющий 40-летний мужчина, лежа по ночам на своей коротенькой кровати?..." — ну и так далее. Это про вас? Или вы не маленький мужчина?

— Нет, я — маленький мужчина, но кровать у меня не маленькая, а обычная советская, стандартная, купленная еще в первый год работы в театре. Монолог... Да, я мог бы его сказать, только чуть-чуть иначе. Но по факту все, о чем в нем говорится, я готов подписать.

— Но факт, извините, — на разрыв души — беспросветное одиночество.

— Да, я человек одинокий. Вообще, человек бывает счастлив довольно редко. А вот одиночеством бывают все. Одиночество — удел всякого. Умирая, например, всякий человек одинок.

— Надеюсь, что до этого еще далеко?

— Но все-таки мы не знаем своего будущего, но не задумываться об этом не можем.

— Но была ли попытка заполнить квартиру и изменить ситуацию?

— Почему же? Я был женат. Одиночество не уходило, несмотря на штамп в паспорте. Я являюсь нездоровым отпрыском здоровой ячейки, созданной моими родителями.

— Грустно...

— И мне тоже, но, чтобы меньше грустить на эту тему, я занимаюсь педагогикой. Это в какой-то степени компенсирует отсутствия семьи, так как задачи сходны, и позволяет реализовать отцовское начало.

— Ну мы, конечно, докатились до полного одиночества. А между тем я знаю, что у вас репутация в театре хохмача и мас-

домой и попросил меня Райкину Райкина же и показать. Ну я и показал, основываясь на рассказах Кости. Ведь Райкин-старший был бесконечно погружен в свое искусство и нередко забывал, сколько Косте лет и в каком институте он учится. Я показал:

— Котенька, ну как у тебя дела в школе?

— Папочка, что ты, да я уже учусь в институте.

— А, ну да, я помню. А ты на каком курсе учишься?

— Папочка, я уже на третьем.

— А, на третьем, понятно. Я знаю, что ты мне говоришь.

— В школе-студии МХАТ, где вы преподаете, на вступительных экзаменах все мечтают попасть на курс или Табакова, или ваш. Скажите, в связи с таким ажитажем взятков не предлагали?

— Буквально нет, но намеки делались. Мне очень легко в этом смысле, так как взятки я не беру. Так же, как и Борис Немцов. И не считаю это подвигом. Просто мама меня так воспитала.

— Человек с позицией — очень неудобный человек. "С ним надо быть поосторожней", — не говорят, но думают. С таким грузом противно жить, правда?

— Я поступаю так, как считаю нужным. И последствия меня не пугают. Почему? Потому что я считаю, что я могу поступать только таким образом.

В этот момент Авангард Леонтьев стал особенно похож на своего героя из спектакля "Мы едем, едем, едем" — маленького, узкокопчатого человека, который и с женщиной толком не знает, как разобратся. Чего в нем было больше — твердости или трогательности, — не знаю. Пора избавляться от дилетантской привычки отождествлять артиста с его героем. Вот только такой артист попался, что запутает, смешает карты и заморочит голову, что будешь сидеть и думать: какой он на самом деле?

Марина РАЙКИНА.